

УДК 93/94

DOI 10.24411/2309-4370-2019-14211

Статья поступила в редакцию 10.07.2019

**ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ М.А. ТАУБЕ О ВОЗМОЖНЫХ УСЛОЖНЕНИЯХ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ФИНЛЯДИЕЙ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

© 2019

Плещеева Анна Валерьевна, аспирант кафедры источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Аннотация. Дискуссии по вопросу о положении Финляндии в составе Российского государства особенно остро развернулись с конца XIX в., когда самодержавие начинает принимать меры по ограничению привилегий окраин империи. Одним из факторов, поставившим эту проблему на первый план, стало также развитие революционного движения в России в начале XX в. Царскому правительству необходимо было организовать контроль за деятельностью революционных организаций на территории Финляндии, а также решить вопрос с ввозом оружия через финляндскую границу на российскую территорию. С этой целью при Совете министров было создано Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского. К обсуждению этого вопроса привлекли также представителей Министерства иностранных дел. В статье анализируется докладная записка доктора международного права и вице-директора Второго департамента МИД М.А. Таубе, в которой он детально разбирает возможные последствия развития революционных событий на территории Финляндии. Записка выражает позицию Министерства иностранных дел, которое, в случае восстания, считало необходимым и наиболее выгодным для России признать Великое княжество Финляндское в качестве воюющей стороны. Этот вариант не получил одобрения со стороны императора и Совета министров, для которых меры в отношении Финляндии рассматривались исключительно как внутригосударственный вопрос.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское; Российская империя; М.А. Таубе; финляндский вопрос; Министерство иностранных дел; революционное движение; национальный вопрос; внутренняя политика Российской империи; внешняя политика Российской империи; российская дипломатия; государственно-правовой статус; самодержавие.

Статус и особое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи продолжают вызывать дискуссии среди историков и юристов. Актуальность изучения «государственно-правового статуса Финляндии определяется тем, что «финляндский вопрос» является не только частью финского национального движения, но и частью внутренней и внешней политики Российской империи» [1, с. 53].

Термин «финляндский вопрос» стал употребляться с середины 80-х гг. XIX в. [2, с. 31]. И центральным звеном этого вопроса являлась проблема государственно-правового статуса финского государства. Особенно остро споры вокруг положения Финляндии развернулись с конца XIX в., когда самодержавие начинает постепенно наступать на привилегии западных окраин империи. Споры о государственно-правовом статусе Финляндии в составе российского государства были вызваны тем, что в 1809 г. не было издано документа, который мог четко определить положение присоединенной территории. Отсюда и возник вопрос, являлась ли Финляндия особым государством, связанным с империей только фигурой Великого князя, или княжество – не более чем инкорпорированная в составе империи провинция [3, с. 59]. В кругу бюрократической элиты выделялись группы, имеющие диаметрально противоположные представления о статусе Финляндии, что порождало конфликт мнений «в контексте довольно широкой амплитуды колебаний – от личной унии до областной автономии» [4, с. 137]. Дискуссии по этому вопросу отразились в окончательной редакции второй статьи Основных законов 1906 г., которая подчеркивала, что Финляндия составляет нераздельную часть

Российской империи и никакая новая политическая самостоятельность ей предоставлена не была [5, с. 104]. Этот акт определил вектор российско-финляндских отношений до революции 1917 г.

Правоведы и публицисты (Р.Ф. Германсон, С.Ф. Шапапов), опираясь на Фридрихсгамский трактат со Швецией, сходились лишь в том, что вопросы внешней политики всецело принадлежали центральной власти, поэтому Финляндия не может выступать самостоятельно в международных делах как суверенное государство [6, с. 203–204; 7, с. 51–52]. Финский политический и государственный деятель Л.Г. Мехелин подчеркивал, что, исходя из правового положения Финляндии, ее государственные органы ограничены внутривластной деятельностью, а область международной политики принадлежит царскому правительству. Именно поэтому нет необходимости в издании закона, который мог бы еще увеличить «решающее право России» [8, с. 109].

Еще одним фактом, поставившим эту проблему на первый план в среде бюрократической и общественной элиты, стали революционные события начала XX в. Царскому правительству необходимо было организовать борьбу с деятельностью российских революционеров в Финляндии. Центральным властям необходимо было решить ряд проблем, связанных с наблюдением за деятельностью революционеров, порядком их ареста на территории Финляндии, порядком изъятия дел из общей подсудности и передачи их военному суду. Серьезным вопросом стал ввоз оружия через финляндскую границу на территорию России [9, с. 61]. Это побуждало власти империи начать разрабатывать меры в отношении окраины.

Для обсуждения вопросов о закрытии финляндских портов в январе 1907 г. была организована межведомственная комиссия под председательством контр-адмирала И.Ф. Бострема. С юридической точки зрения, существовало два пути. Первый предполагал рассматривать мероприятия в Великом княжестве Финляндском как внутригосударственный вопрос. В этом случае закрытие портов осуществлялось согласно обязательным постановлениям по правилам о местностях, которые находились на военном положении. Второй вариант носил международный характер. Министерство иностранных дел предложило объявить Финляндию воюющей стороной, что давало бы российскому правительству максимальную свободу действий [10, л. 2–4]. В начале февраля 1907 г. состоялось совещание у императора о мерах в отношении финского государства [11, с. 107]. После разбора предложений комиссии второй путь был немедленно отвергнут царем и главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа [9, с. 63].

Присоединением Финляндии в 1809 г. Россия старалась решить исключительно оборонительные задачи, связанные с безопасностью северо-западных границ и Петербурга. Поэтому в течение первой половины XIX века российское государство не вмешивалось во внутреннее управление Великого княжества Финляндского. Однако в связи с изменениями в Европе в конце XIX в. и опасениями возможного вооруженного восстания в Финляндии, спровоцированного вмешательством извне, появились опасения ведения локальной войны в неблагоприятных дипломатических условиях [12, с. 63–66, 149]. А.Я. Аврех одной из причин выдвигания Финляндии в качестве первого объекта в национальной политике самодержавия называет автономию княжества, обладающего всеобщим избирательным правом, успехом в экономике, что шло вразрез с жесткими методами управления периферией Российской империи и являлось «нежелательным примером для других окраин и нерусских народов страны» [13, с. 45]. С ним согласен Л.В. Суни, который считает изменение методов управления в Финляндии частью широкой программы царского правительства «по укреплению основ самодержавного строя в России», направленной в том числе на существенное ограничение автономного статуса Великого княжества [14, с. 153].

На основании всеподданнейшего доклада П.А. Столыпина, при Совете министров было образовано Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского [15]. Привлечение Министерства иностранных дел к Особому совещанию также является подтверждением трансформации взглядов к этой части Российской империи.

В феврале 1907 г. доктором международного права и вице-директором Второго департамента Министерства иностранных дел М.А. Таубе была подготовлена докладная записка министру иностранных дел о международно-политической стороне событий в Финляндии [16, с. 32]. Записка хранится в личном фонде М.А. Таубе в РГИА и ранее не была опубликована. Дело содержит два печатных варианта записки, датированных 1907 и 1909 гг., приложение, черновик, а также газетные вырезки из газет о революционном движении в Финляндии и об отношении к нему русского правительства [17].

М.А. Таубе подчеркивает сложность финляндского вопроса, так как он касается дипломатических взаимоотношений России с другими государствами, и именно поэтому входит в компетенцию Министерства иностранных дел. При анализе финских событий профессор рассматривает проблему с двух сторон: «1) с точки зрения собственно внешней политики России, т.е. политического отношения западноевропейских государств к возможным осложнениям в Финляндии, а затем 2) с точки зрения международно-правовых вопросов, которые должны возникнуть в связи с этими событиями» [10, л. 7].

С политической точки зрения для М.А. Таубе не вызывает сомнения тот факт, что в случае вооруженного восстания в Финляндии общественное мнение европейских государств окажется на стороне российской окраины [10, л. 7]. С подобным мнением был согласен министр иностранных дел А.И. Извольский. В своей записке от 5 апреля 1907 г. он прямо высказывает опасения, что в случае восстания в Финляндии европейские державы быстро признают ее «воюющей стороной» или независимым государством, а в худшем случае – «восстание этой бывшей шведской области... не только не оставит равнодушным шведское общество и народ, но даже может при известных условиях, помимо желания самого Стокгольмского кабинета, привести его к необходимости... открыто вмешаться в вооруженную борьбу Финляндии с Россией» [18, л. 67–68]. Министр иностранных дел подчеркивал возможность такого развития событий, которое необходимо было учитывать центральной власти.

М.А. Таубе также считает, что особую бдительность необходимо проявить в отношении Швеции, для которой восстание в ее бывшей области «против старого исторического врага» под давлением шведского общественного мнения может привести к открытому вмешательству в борьбу между Финляндией и Россией. Российское правительство может рассчитывать на поддержку со стороны Германии, которая может дипломатически воздействовать на Стокгольмский кабинет и удержать его в нейтралитете. М.А. Таубе аргументирует этот момент тем, что интересы двух империй в Балтийском регионе совпадают. Германии так же, как и России, выгодно сохранение status quo на Балтике, и появление нового неустойчивого фактора в виде восставшей Финляндии отрицательно скажется на международной политике [17, л. 7–9].

Международно-правовые последствия беспорядков в Великом княжестве Финляндском зависят от мер, которые могут быть приняты царским правительством для их прекращения. М.А. Таубе подвергает детально разбору самый сложный в юридическом отношении вопрос о признании Российским правительством Финляндии в состоянии открытого вооруженного восстания. Подобная мера имела бы для Российской империи две стороны. С одной стороны, восставшая область в таком случае может быть признана третьей стороной в качестве «субъекта международного права», т.е. независимым государством, что имело бы нежелательные последствия для русского государства. Но в то же время это решение предоставляет России полную свободу действий в отношении Финляндии. Это выгодно, по мнению М.А. Таубе, так как позволит «внести в вопрос большую яс-

ность и определенность и этим способствовать его скорейшему разрешению в желательном для императорского правительства смысле» [17, л. 11].

Л.Г. Мехелин в своем критическом обзоре с опорой на донесения таможенных ведомств отрицает провоз незаконного оружия в Финляндию в течение 1907 г. [19, с. 13–14]. Будучи одним из лидеров движения за автономию Финляндии в составе Российской империи, он подчеркивает, что «финляндский закон не предоставляет правительству права объявлять страну или часть ее на военном положении в мирное время». В работе финский политик акцентирует внимание на том факте, что можно не сомневаться «в искреннем желании» правительства Великого княжества содействовать в оказании мер, необходимых для предупреждения «анархических и революционных покушений, направленных на отдельных лиц или на учреждения Империи» [19, с. 27–29].

В дополнение к записке М.А. Таубе прилагается заметка от 27 марта 1907 г. касательно несогласия российского императора с фразой, что «в случае официального со стороны русского правительства объявления Финляндии состоящей в вооруженном восстании, она должна рассматриваться в качестве воюющей стороны». Профессор подчеркивает, что признание Финляндии «открытым врагом» с его правами и обязанностями предоставит русскому государству и его армии возможность пользоваться в отношении других государств выгодами воюющей стороны (например, правом «остановки и осмотра нейтральных судов в открытом море» для пресечения подвоза оружия в Финляндию, правом военной блокады). Если не признавать финскую окраину в качестве воюющей стороны, российское правительство не сможет воспользоваться всей полнотой мер в борьбе против восставшей области, которая будет получать поддержку извне [17, л. 20].

Вторую докладную записку М.А. Таубе подготовил после участия в качестве представителя Министерства иностранных дел в совещании под председательством генерал-майора П.Г. Курлова в ноябре 1909 г. В ней он дает разъяснения по спорным вопросам относительно закрытия финляндских портов с точки зрения международного права. В частности, М.А. Таубе замечает, что некоторые вопросы, которые уже были разрешены в ходе работы Комиссии 1907 г., на Особом совещании 1909 г. потребовали новых объяснений.

С юридической точки зрения спорным вопросом является объявление о закрытии финляндских портов в качестве внутригосударственной меры. В Комиссии 1907 г. подобное решение считали законным на основании правил о местностях, которые находятся на военном положении. В Совещании 1909 г. подобное решение, по мнению директора Департамента полиции, непременно приведет к целому ряду вполне обоснованных гражданских исков. Но с точки зрения международного права не должен вызвать поводов к протестам со стороны иностранных государств [17, л. 22].

Кроме того, в записке М.А. Таубе возвращается к разъяснению ключевого вопроса, поставленного еще при заседании Комиссии 1907 г., «о возможности юридически приравнять закрытие портов путем внутренне-государственной меры к международно-пра-

вовой военной блокаде таких портов», которая может быть впоследствии интерпретирована иностранными правительствами «в качестве признания Финляндии воюющей стороной» [17, л. 23]. В записке 1907 г. доктор защищал взгляд о необходимости, в случае вооруженного восстания в Великом княжестве, рассматривать ее как «воюющую сторону», с применением к ней всех норм международного права войны. Подобное решение могло предоставить русскому государству определенные выгоды, в числе которых право остановки, осмотра и захвата судов, провозящих контрабанду в Финляндию в полосе как территориальных вод, так в открытом море. М.А. Таубе на Совещании 1909 г. отметил невозможность «смешения» закрытия портов распоряжением царского правительства с международной мерой блокады. Он поясняет, что Министерство иностранных дел, обозначая «известные удобства для Императорского правительства от признания Финляндии воюющей стороной», встало на эту позицию еще в 1907 г., но не получило одобрения от Императора и Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Именно поэтому остановка и осмотр судов в открытом море со стороны русского правительства можно считать «грубым нарушением международного права» [17, л. 23].

Последний неразработанный вопрос, который посчитал необходимым поставить М.А. Таубе, связан с мерами по закрытию морской границы не только по финскому побережью, но и по линии ботнического берега и сухопутной границы Финляндии со стороны Швеции. Он выражает сомнение по поводу предложения одного из присутствующих военных представителей в возможности заключения соглашения со Швецией, согласно которому охрана российской финляндской границы должна стать заботой шведского правительства [17, л. 24].

Согласно особому журналу Совета министров комиссия пришла к выводу, что вопрос о закрытии портов в Финляндии должен решаться в соответствии с правилами о местностях, которые находятся на военном положении. И так как эта мера входит в сферу внутригосударственного управления, она не вызывает последствия военной блокады и «не может быть истолкована иностранными государствами в смысле признания Финляндии воюющей стороной» [20, с. 466]. Таким образом, царское правительство, обсуждая меры в случае беспорядков в Финляндии, официально встало на позицию, что Финляндия является неотделимой частью Российской империи и именно поэтому к ней нельзя применить понятие «блокада берегов», как мероприятие международно-правового характера. При этом в журнале отмечается существенная выгода блокадного положения финских берегов, которую обозначал М.А. Таубе, но Совет министров возвращается к формулировке 1907 г. о несоответствии этой меры государственно-правовому положению Финляндии [20, с. 468].

Дискуссии в российских и финляндских кругах по вопросу о государственно-правовом статусе Финляндии в составе империи особенно остро развернулись в период с конца XIX в. и вплоть до 1917 г. Юристы, государственные и общественные деятели выдвигали различные теории о положении Великого княжества Финляндского. Еще одной стороной этого вопроса стали революционные события начала XX в.

и возможное вооруженное восстание на территории Финляндии. Сложность в точном определении статуса западной окраины России вызывало у центральной власти опасения вмешательства извне в случае волнений на ее территории. Царское правительство попыткам решения финского вопроса уделяло значительное место в своей политике вплоть до Первой мировой войны. В качестве представителя Министерства иностранных дел М.А. Таубе подготовил две докладные записки в 1907 и 1909 гг., в которых он достаточно основательно пытался доказать выгоду применения к Финляндии мер по блокаде ее берегов и объявлении ее воюющей стороной. Эти предложения не были приняты императором и Советом министров, для которых меры в отношении Финляндии оставались исключительно в ведении центральной власти.

Список литературы:

1. Некрасов Е.В. Вопрос о государственно-правовом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в дореволюционной отечественной историко-правовой мысли // Вестник Омского университета. 2010. № 1. С. 53–61.
2. Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997. 319 с.
3. Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1996. 294 с.
4. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 126–141.
5. Бородкин М.М. Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб.: Государственная типография, 1910. 121 с.
6. Германсон Р.Ф. Государственно-правовое положение Финляндии. Вып. 2. СПб.: Гос. тип., 1892. 283 с.
7. Шарапов С.Ф. Что делать с Финляндией? М.: Свидетель, 1910. 77 с.
8. Мехелин Л.Г. К вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией / Пер. со швед. Гельсингфорс: АО Г.В. Эдлунд, 1909. 142 с.
9. Бахтурина А.Ю. Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905–1908 гг.) // Вестник РГГУ. 2009. № 17. Серия «Исторические науки. История России». С. 59–69.
10. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 138. Оп. 467. Д. 278–279.
11. Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив: исторический журнал. 1924. № 5. С. 102–128.
12. Похлебкин В.В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений. М.: Междунар. отношения, 1975. 408 с.
13. Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М.: Наука, 1968. 520 с.
14. Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1982. 158 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 3. 1907 г. Д. 73. Оп. 18. Д. 68, 69.
16. За XXV лет (1891 – 1/XII 1916). Свод фактических данных о государственной службе и научной деятельности члена Государственного Совета, Сенатора, Профессора Бар. М.А. Таубе. Петроград: Сенатская типография, 1917. 55 с.
17. РГИА. Ф. 1062. Оп. 1. Д. 139.
18. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 298.
19. Мехелин Л.Г. Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор / Пер. со швед. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1908. 159 с.
20. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1909 год. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 600 с.

MEMORANDUMS BY M.A. TAUBE ON THE POSSIBLE COMPLICATIONS OF THE INTERNATIONAL LEGAL RELATIONSHIPS OF THE RUSSIAN EMPIRE WITH FINLAND IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

© 2019

Pleshcheeva Anna Valeryevna, postgraduate student of Source Studies of Russian History Department
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Abstract. Discussions on the situation of Finland as a part of the Russian state have been particularly acute since the end of the 19th century, when the autocracy began to take measures to limit the privileges of the outskirts of the empire. One of the factors that put this problem to the forefront was also the development of the revolutionary movement in Russia at the beginning of the 20th century. The tsarist government needed to organize the control over the activities of revolutionary organizations in Finland as well as to solve the problem of the import of weapons across the Finnish border into the Russian territory. Thus, a special meeting on question of the Grand Duchy of Finland was created. Representatives of the Ministry of Foreign Affairs were also invited to discuss this problem. The paper analyzes the memorandum by the Doctor of International Law and the Vice-Director of the Second Department of the Ministry of Foreign Affairs M.A. Taube, in which he investigates in detail possible consequences of revolutionary events development in Finland. The memorandum expresses a position of the Ministry of Foreign Affairs, which, in case of rebellion, considered that it was necessary and most beneficial for Russia to recognize the Grand Duchy of Finland as «a belligerent». This option did not receive approval from the emperor and the Council of Ministers, for whom the measures in regard to Finland were considered exclusively as a domestic question.

Keywords: Grand Duchy of Finland; Russian empire; M.A. Taube; Finnish question; Ministry of Foreign Affairs; revolutionary movement; national question; internal policy of Russian Empire; foreign policy of Russian Empire; Russian diplomacy; state legal status; autocracy.